

— Юэжань, перед тем как выйти из машины, нерешительно произнес:

— Юэжань, не нужно со мной церемониться. Если ты действительно хочешь отблагодарить меня, лучше присмотри за Роцзя на съемочной площадке. Он еще мал, в делах бывает излишне вспыльчив, так что мне будет спокойнее, если за ним кто-нибудь присмотрит.

Духовный сгусток: — Ох, еще один человек, раненный любовью... как печально, как жалко.

Шуай Чан: — ...

Шуай Чан не желал отвечать Духовному сгустку: тот целыми днями нес какую-то мистическую чушь, и понять из его слов было нельзя ни единого слога.

Два месяца спустя фильм Пик плавания, где главную роль исполнил Фань Лоцзя, вышел на экраны в первый день Нового года по лунному календарю.

Шуай Чан специально выкупил весь зал, чтобы поддержать его. Они сидели в пустом кинотеатре, а на экране Фань Лоцзя в плавках купался в лучах света у бассейна, демонстрируя свое прекрасное тело.

У Шуай Чана защемило в носу, и он поспешно прикрыл лицо рукой, дабы предотвратить неизбежное кровотечение.

Фань Лоцзя подсел ближе и с улыбкой произвел:

— Братец Хайдун, что с тобой?

Видя, что Шуай Чан игнорирует его, Фань Лоцзя не сдавался:

— Ты же каждый день видишь меня дома, а все равно так волнуешься, у меня прямо гордость за себя берет.

Шуай Чан протянул руку и прижал его голову к своей груди:

— Умница, не балуйся. — И позволил ему как следует посмотреть фильм, испытывающий нервы на прочность.

Фань Лоцзя послушно уткнулся носом в его грудь. Прислушиваясь к постепенно учатившемуся сердцебиению Шуай Чана, он ощутил в сердце какое-то удивительное чувство удовлетворения.

К середине картины Фань Лоцзя оставил попытки озорничать, уселся ровно и стал смотреть фильм вместе с Шуай Чаном.

Сеанс подошел к концу. Вставая, Шуай Чан придерживал Фань Лоцзя за плечо и, глядя на его голени, поинтересовался:

— Все еще болит?

Фань Лоцзя опешил: его ноги вообще-то никогда не болели.

Затем он сообразил, что Шуай Чан перепутал его с персонажем из фильма:

— Братец Хайдун, не болит, хочешь — посмотри сам. — Он приподнял штанину, но на месте киношной травмы не было видно ни малейшего следа.

#

Наступил Новый год. Шуай Чан остался с Фань Лоцзя и не поехал в Семью Инь, зато после праздников завел с ним разговор о том, что пора бы познакомить его со старшими. Лицо Фань Лоцзя мгновенно сменило с десятков выражений, и он долго молчал.

— Роцзя, не бойся, я тебя защищу. — Шуай Чан знал, что тот опасается противодействия со стороны Семьи Инь.

Фань Лоцзя неожиданно прыснул со смеху:

— Что ты говоришь, Семья Инь — это же не логово дракона или тигра, чего мне бояться. Я за тебя переживаю... вот с моими мамой и папой сладить будет ой как непросто.

В информации, предоставленной Духовным сгустком, не было никаких упоминаний о родителях Фань Лоцзя. Услышав это среди бела дня, Шуай Чан и впрямь немного запаниковал и поспешил расспросить подробности:

— Кем работают твои тесть и теща?

— Спортсмены. Мой папа — Фань Си, а мама — Тань Сяо.

Шуай Чан: — ...Чемпион мира по плаванию вольным стилем Фань Си и чемпионка мира по теннису Тань Сяо?!

Фильм Пик плавания, в котором снимался Фань Лоцзя, был основан как раз на биографии Фань

Си — неудивительно, что тот так рвался получить эту роль.

— Агась~ — ответил Фань Лоцзя многозначительным взглядом.

— Предупреждаю тебя: у папы нрав куда круче, чем в кино показали, а мама так вообще тигрица. Я сколько раз говорил режиссеру, мол, сделайте пореалистичнее, а в итоге на экране они все равно какими-то слишком мягкими вышли, тц-тц.

Шуай Чан: — ... — Ему никак нельзя было падать духом, ведь впереди его ждала тяжелая битва.

Если Семья Инь еще походила на логово дракона и тигра, то визит к тестю с тещей грозил обернуться для Шуай Чана дорогой в один конец без надежды на выживание.

#

Родители Фань Лоцзя жили в том же городе, однако за последний год Шуай Чан ни разу не видел, чтобы тот наносил им визиты.

— Папа с мамой сейчас тренеры в национальной сборной, на работу ходят каждый день, занятее меня на съемках, дома вообще шаром покати. На Новый год вон ушли смотреть новогодний гала-концерт и даже меня позвать забыли, — возмущенно пожаловался Фань Лоцзя.

Шуай Чан тут же обнял его, успокаивая:

— Ладно-ладно, не злись, в следующий раз я сам отведу тебя на гала-концерт. Выходит, у тестя с тещей отпуск?

— Угу, на полных полмесяца, а послезавтра они уже уезжают, — уныло протянул Фань Лоцзя.

— Послезавтра уезжают? — Получалось, что Фань Лоцзя проводит с родителями всего один день в году.

Испытывая жгучую жалость, Шуай Чан нежно поцеловал Фань Лоцзя:

— Я всегда буду рядом с тобой.

Фань Лоцзя откликнулся:

— Я знаю, братец Хайдун у меня самый лучший.

— Но я к тому, что, судя по всему, навестить моих папу и маму нам придется уже завтра.

Шуай Чан предпочел бы, чтобы завтрашний день не наступал никогда.

Во второй половине дня они вдвоем отправились в торговый центр выбирать подарки. Шуай Чан уже присматривал красное вино, когда Фань Лоцзя сказал:

— Братец Хайдун, брось, папа все равно не пьет алкоголь.

Шуай Чан отобрал бутылку, отнес продавцу для оплаты и, обернувшись на слова Фань Лоцзя, возразил:

— Это для тещи, женщинам полезно пить красное вино для кожи.

— От красного вина ни вкуса, ни толку, мама больше любит эрготоу. — Стоило ей выпить, как она приходила в жуткое воживание и могла заставить любого играть с ней в теннис всю ночь напролет.

Расплатившись картой и забирая вино, Шуай Чан вышел на улицу:

— Мне кажется, покупать эрготоу — не лучший вариант... Ты же знаешь наши с тобой способности к выпивке. — При первом визите неизбежно придется опрокинуть пару рюмок, и если красного вина он мог осилить полбутылки, то насчет эрготоу поручиться не стоило. Опозориться и свалиться с ног от первой же рюмки — какая уж тут мужа-молодца гордость!

Фань Лоцзя редко общался с родителями. С малых лет занимаясь гимнастикой, в переходном возрасте он наотрез отказался продолжать и подался в актеры. Из-за этого отношения с родителями испортились окончательно, не говоря уже о том, что он украл семейную книжку и втайне зарегистрировал брак с Инь Хайдун. Сегодня он и сам понятия не имел, что их ждет.

Вспомнив, что с возрастом у спортсменов здоровье неизбежно начинает хромать, Шуай Чан прихватил еще несколько упаковок витаминов и добавок. Наконец они подъехали к нужному дому. Шуай Чан заглушил мотор, вышел из машины, но Фань Лоцзя следовать за ним не спешил.

— Роцзя? — Шуай Чан обошел капот и распахнул дверцу переднего пассажирского сиденья. Фань Лоцзя сидел с опущенной головой, слегка подрагивая всем телом.

Он поднял взгляд: глаза покраснели и наполнились слезами, нос распух, а зубы бессознательно покусывали нижнюю губу:

— Братец Хайдун, я боюсь.

Сердце Шуай Чана пронзило острой, невыносимой болью, словно пулей. С нежностью во взгляде он заключил Фань Лоцзя в объятия:

— Рядом твой братец Хайдун, не бойся. Если они вздумают распускать руки, я заслоню тебя собой.

— Но я ведь даже не предупредил их, что мы приедем сегодня. — Он узнал о расписании отпуска родителей только через их коллег.

Фань Лоцзя с детства был обделен родительской лаской, и вырасти при этом столь открытым человеком было непросто. Пусть в нем и прослеживались те самые безумные черты характера, которые так нравился Шуай Чану, все они были безобидными. После долгих уговоров Шуай Чан наконец убедил его выйти из машины.

Поднявшись на лифте на девятый этаж, Фань Лоцзя по-прежнему не выказывал энтузиазма и всю дорогу жался за спиной Шуай Чана, втянув голову в плечи.

Шуай Чан погладил его по мягкой макушке, глубоко вздохнул, придал лицу уверенное выражение и нажал на кнопку звонка.

— Дзинь-донг!

Раздался звонок, и из квартиры тут же донеслись шаги и вопрос:

— Кто там?

Женский голос звучал громко и звонко.

Шуай Чан почувствовал, как Фань Лоцзя вздрогнул, и ободряюще похлопал его по заметно ссутулившимся плечам.

Дверь приоткрылась на щелочку. Увидев Шуай Чана, Тань Сяо одарила его недоумевающим взглядом — этого парня она не знала.

— Молодой человек, вы к кому? — К красивым парням она всегда относилась более снисходительно.

Шуай Чан улыбнулся самой подходящей улыбкой:

— Здравствуйте, тетя, меня зовут Инь Хайдун, я муж Роцзя, и сегодня...

Раздался звук хлопнувшей двери — Тань Сяо захлопнула ее прямо перед его носом.

Шуай Чан потер нос и обернулся к Фань Лоцзя:

— И впрямь крутой у тети нрав.

Фань Лоцзя невольно усмехнулся его растерянному виду:

— Я же говорил, она ужасно пугающая. При них я вообще рта открыть не смел, а решение пойти в актеры было моим единственным бунтом... После этого я и вовсе боялся возвращаться домой, последние два года мы даже по телефону почти не созванивались. — Наигранная веселость тут же улетучилась, и в глазах Фань Лоцзя залегла глубокая тоска.

Шуай Чан крепче прижал его к себе и только было собрался заговорить, как дверь распахнулась снова. На пороге стояли двое пожилых людей в ярко-красных свитерах и с ошеломленными лицами взирали на... них двоих.

— Кхе. — Сохраняя невозмутимый вид, Шуай Чан разжал объятия. — Здравствуйте, дядя, здравствуйте, тетя.

Он легонько подтолкнул застывшего рядом Фань Лоцзя, и тот выдавил из себя:

— Папа, мама.

Фань Си и Тань Сяо окинули их оценивающими взглядами, но придирались не стали:

— Заходите.

Оказавшись в квартире, четверо уселись друг напротив друга. Воцарилось тяжелое молчание. Поняв, что так продолжаться не может, Шуай Чан взял инициативу на себя:

— Роцзя сказал, что завтра вы уезжаете по работе, поэтому мы решили заглянуть сегодня. Как ваше здоровье в последнее время, дядя, тетя?

Губы Фань Си шевельнулись, собираясь что-то ответить, но Тань Сяо остановила его движением руки. Хмуро глядя на их сцепленные руки, она произнесла:

— Разве вы не говорили, что уже зарегистрировали брак?

Шуай Чан на мгновение замер, но тут же уловил смысл слов Тань Сяо и с готовностью исправился:

— Папа, мама.

На лицах Фань Си и Тань Сяо промелькнули подобия улыбок.

Люди, привыкшие держать студентов в строгой дисциплине, улыбались скупно, но Шуай Чан все же заметил.

На душе у него отлегло. Похоже, родители Фань Лоцзя вовсе не собирались чинить им препятствия.

Вот только сам Фань Лоцзя с момента входа в квартиру чувствовал себя не в своей тарелке.

Тань Сяо поднялась с места:

— Сяо Инь, пойдем со мной.

— Хорошо, мама. — Шуай Чан встал, но правая рука ощутила сопротивление: Фань Лоцзя вцепился в нее мертвой хваткой и не желал отпустить.

— Всё в порядке, обещаю. — Шуай Чан легонько сжал его пальцы и провел подушечкой большого пальца по его ладони. Чувствительное тело Фань Лоцзя судорожно вздрогнуло, и он наконец разжал пальцы.

Пройдя за Тань Сяо в кабинет, Шуай Чан услышал указание:

— Садись, Сяо Инь.

Тань Сяо заговорила с ним о чувстве вины перед сыном:

— Мы почти не занимались им с самого рождения, все время были в разъездах из-за работы. Сначала мы очень разозлились, узнав, что он тайком женился, но потом подумали: раз он нам ничего не сказал, значит, боялся, что мы откажем... хотя ему в общем-то было все равно, согласны мы или нет. — На этих словах Тань Сяо горько усмехнулась. — Сяо Инь, я вижу, что ты хороший парень и хорошо относишься к Лоцзя, так что мы с его отцом благословляем вас. Как только у нас выйдет свободное время, мы встретимся с твоими родителями и сыграем вам свадьбу.

— ...Хорошо. — Видимо, придется как можно скорее везти Фань Лоцзя к родителям в Семью Инь.

Из всех четверых готовить умел только Фань Лоцзя, но Тань Сяо побоялась перегружать сына и

настояла на заказе еды из ресторана.

За ужином Тань Сяо откупорила привезенное Шуай Чаном красное вино:

— Выпить немного можно, но ночевать останетесь дома — комнату Роцзя я прибрала еще вчера, постельное белье совершенно новое.

Когда первой бутылки не хватило, Фань Си отворил еще одну, крепкого белого алкоголя, и пригласил Шуай Чана пропустить с ним рюмочку. Ничто в нем теперь не выдавало человека, равнодушного к спиртному.

Фань Лоцзя унаследовал материнскую крепость головы: почувствовав опьянение, они оба удалились спать в комнаты, и за столом остались лишь упорствовавшие Шуай Чан и Фань Си.

Уверенный в том, что хмелеет медленно, Шуай Чан ничуть не тушевался. С абсолютно спокойным выражением лица он принял наполненную Фань Си рюмку, они чокнулись, и Шуай Чан осушил ее до дна — огненная жидкость обожгла горло и покатилась в желудок.

Охмелевший Фань Си подсел ближе:

— Сяо Инь, к черту лишние слова, теперь наш Цзяцзя на твоих плечах. Давай, за это!

Шуай Чан отозвался:

— Папа, можете не переживать. Цзяцзя прекрасен, я буду любить его всю жизнь.

Прикончив бутылку, Фань Си с чистой совестью рухнул на диван.

Пропитавшись алкоголем с ног до головы, Шуай Чан кое-как уложил Фань Си и сам неторопливо побрел в комнату Фань Лоцзя.

Толкнув дверь, он увидел, что Фань Лоцзя сладко спит. Ночник у изголовья окрашивал его волосы в теплые медовые тона. Шуай Чан подошел, скинул одежду и лег рядом. Обняв Фань Лоцзя, он прошептал:

— Спи спокойно, малыш.

Алкоголь дал о себе знать, и он погрузился в тяжелый сон.

#

— Я действительно не думал, что папа с мамой примут нас так легко. В детстве у них был страшный нрав: хоть они меня и не били, но постоянно ругались, а иногда даже швыряли вещи по комнате. Я тогда так пугался и всем сердцем мечтал, чтобы нашелся кто-то, кто сможет меня защитить. Братец Хайдун, спасибо тебе за то, что любишь меня. — Фань Лоцзя считал себя невероятно удачливым раз в жизни повстречать такого мужчину, как Инь Хайдун.

Шуай Чан осыпал поцелуями его лоб, глаза, нос, а в конце запечатлел долгий поцелуй на губах:

— Я не просто люблю тебя, я буду любить тебя вечно.

Накрытый волной страсти, Фань Лоцзя беспомощно выгнулся:

— ...Мгм... Если ты вдруг забудешь эти слова, я привяжу тебя к себе, чтобы ты любил меня по принуждению.

Дыхание Шуай Чана сбилось, стало еще жарче. Он резко прервал его слова:

— Я тебе тут о возвышенном, а ты все переводишь в глаголы действия. Смотри мне, если завтра не сможешь встать с постели, пеняй на себя.

###

Семейный ужин Семьи Инь был назначен на дни после праздников. О том, что он придет не один, Шуай Чан предупредил заранее.

В Семье Инь были безумно рады — сколько раз они пытались сосватать его с кем-нибудь, а Инь Хайдун не отверг предложения лишь потому, что предложений не было вовсе: ни уговорами, ни угрозами добиться от него ничего не удавалось. И вот теперь он наконец взялся за ум! Родители Инь рассуждали так: даже если девушка, которую он привел, происхождением и уступает, они готовы смириться.

Однако в день ужина Инь Хайдун преподнес им настоящий сюрприз, сбросив бомбу.

— Папа, мама, это Фань Лоцзя, мы уже зарегистрировали брак.

Глава семьи Инь со злости швырнул чашку из ручной керамики:

— Инь Хайдун, ты решил пойти против семьи?!

Младшие члены семьи принялись наперебой успокаивать рассерженного главу.

— Братец Хайдун, а ведь он так похож на того знаменитого киноактера! Как же его звали? — Кузина Инь Хайдуна указала пальцем на Фань Лоцзя.

Двоюродный брат подхватил:

— Ты про киноактера Фань Лоцзя?

Брат и сестра переглянулись: мало того что похож, так еще и имя совпадает...

— Звезда Фань, я от вас в таком восторге, можно автограф?

Двоюродных братьев и сестер у Инь Хайдуна было немало. Когда Фань Лоцзя окружила толпа молодежи, старшее поколение обратило внимание на суету. Один из дальних дядей Инь Хайдуна подошел ближе, чтобы оценить обстановку:

— Хайдун, ничего страшного, что твоего гостя тут так обступили? — Дальний дядя решил, что между ними вспыхнул конфликт.

Инь Хайдун усмехнулся:

— Они просто слишком обрадовались, увидев кумира, всё в порядке.

Люди старшего поколения фанатизмом не страдали, но, услышав слово кумир, тут же поинтересовались:

— Ты что, женился на актере?

Шуай Чан поправил:

— На киноактере. Международном киноактере.

— Ого, серьезная заявка! — Словосочетание международный киноактер произвело на дядю должное впечатление, и он тут же влился в ряды страждущих получить автограф. — Роцзя, мой сын сегодня не смог прийти, распишись для него, пожалуйста.

— Папа, мама, не сердитесь. Вы же видите, как все домашние любят Роцзя, он и правда чудесный. К тому же мы женаты уже два года, и то, что я до сих пор не познакомил его с вами — целиком моя вина. — Красноречие Шуай Чана наконец возымело действие, и он уговорил родителей сесть за стол, чтобы как положено насладиться совместным праздничным ужином.

Раз в год выпадает момент для семейного сбора, и родителям Инь не пристало портить

праздник кислыми минами, поэтому они просто старались делать вид, будто Фань Лоцзя не существует. Впрочем, остальные члены семьи придерживались совершенно иного мнения: если не считать родителей и пары дядей, вряд ли во всем доме нашелся бы кто-то, кто не проникся бы к Фань Лоцзя симпатией.

— Папа, братец Роцзя просто супер! Он не только дал мне автограф, но и написал напутствие. Вот увидишь, в этом году я буду учиться изо всех сил, раз братец Роцзя велел!

Некто папа: — ... — Так кто кому отец, я или Фань Лоцзя? Мои слова в расчет не берутся, стоит лишь этому парню чиркнуть росчерк на бумаге, как ребенок готов грызть гранит науки... И откуда у него это странное чувство гордости?

Шуай Чан очистил креветку и положил ее в тарелку Фань Лоцзя:

— О чем это ты мечтаешь? Сидишь, улыбаешься сам себе так, что даже есть забыл?

— Ни о чем, — уголки губ Фань Лоцзя никак не желали опускаться. — Просто подумал, как же здорово, что я могу быть здесь, и как это счастливо. Он и не чаял, что родня Инь Хайдуна примет его с таким теплом. Идя сюда, он уже подготовился к холодному приему, но кто бы мог подумать...

— Эй, чего ты опять уставился в пространство и лыбишься? — Шуай Чан со вздохом сунул креветку прямо в рот Фань Лоцзя, резонно опасаясь, что иначе тот до конца вечера будет лишь глупо улыбаться, забыв про еду.

После трапезы Шуай Чан извлек на свет коробку с дисками:

— Давайте посмотрим фильм.

В особняке семьи Инь имелся собственный небольшой кинотеатр человек на пятьдесят.

Усадив родителей на лучшие места в центре, он вместе с Фань Лоцзя устроился на самом последнем ряду.

Фань Лоцзя поинтересовался:

— Братец Хайдун, а что за кино мы смотрим?

— Конечно же, фильм с Роцзя в главной роли. Я хочу, чтобы мои родители прочувствовали твое очарование.

Смущенный Фань Лоцзя зарылся лицом в его грудь.

Фильм начался, и Фань Лоцзя тихо шепнул:

— Братец Хайдун, я думал, ты поставишь ту картину, за которую мне дали награду.

А это оказался Пик плавания.

— Та лента слишком мрачная, а эта такая бодрящая и жизнеутверждающая — как раз то, что любят мои родители.

Когда сеанс подошел к концу, Фань Лоцзя снова оказался в осаде — домочадцы наперебой обсуждали с ним сюжетные повороты. Видя, как увлеченно тот беседует, Шуай Чан подошел к родителям, но те молчали, храня каменное молчание.

— Ты помнишь момент из фильма, где Фань Си получает травму, спасая человека? — внезапно подал голос отец Инь.

— Помню. — Шуай Чан кивнул: после первого просмотра он настолько погрузился в историю, что даже принял голень Фань Лоцзя за настоящую рану.

— Человек, которого он спас — твоя мама.

— Что? — Да неужто такое совпадение возможно?!

— Двадцать пять лет назад твою маму сбила машина пьяного водителя. Если бы не Фань Си, тебя бы сейчас просто не существовало. Я столько лет искал его, а это оказался Фань Си... — Мать Инь тогда потеряла сознание при аварии и в душе не ведала, как выглядел ее спаситель. Фань Си доставил ее в больницу, внес предоплату за лечение и тут же улетел на международные соревнования. Лишь сегодня, увидев кинокартину, они узнали, что матушку спас ни кто иной, как чемпион мира по плаванию вольным стилем Фань Си.

— Кем приходится друг другу Фань Лоцзя и Фань Си?

— Роцзя — единственный сын Фань Си, — ответил Шуай Чан.

Отец Инь кивнул, переглянулся с женой и больше ничего не добавил.

Преодолев все препоны, Шуай Чан вытащил Фань Лоцзя из толпы поклонников:

— Идем, представлю тебя будущим тестю с тещей.

Не веря своим ушам, Фань Лоцзя переспросил:

— Братец Хайдун, ты всё уладил?

Шуай Чан то кивнул, то покачал головой:

— Не то чтобы я уладил, скорее, надо сказать спасибо папе с мамой... Точнее, дорогому тестю. Помнишь сцену, где Фань Си спасает женщину? Это чистая правда, и спасенная им женщина — моя мама.

Фань Лоцзя: — ...Это же просто какое-то чудо!

Благодаря этому невероятному стечению обстоятельств Фань Лоцзя без сучка и задоринки преподнес свадебный чай родителям супруга. Мать Инь даже высказала предложение со временем организовать встречу с Фань Си и Тань Сяо, дабы оба семейства могли обсудить дату свадьбы Инь Хайдуна и Фань Лоцзя.

Возвращаясь из особняка семьи Инь, Фань Лоцзя все еще чувствовал себя так, будто видит сон, а на деле они еще даже не добрались до места, и ему просто причудилось слишком уж идеальное развитие событий.

Однако суровая реальность заключалась в том, что в марте состоялась встреча родителей с обеих сторон, где отец и мать Инь принесли Фань Си торжественную благодарность, после чего семьи единогласно выбрали счастливый день для проведения отложенного свадебного торжества Инь Хайдуна и Фань Лоцзя.

В мае Шуай Чан и Фань Лоцзя сыграли роскошную свадьбу на Бали. Родственники семьи Инь и топ-менеджмент корпорации Инь, а также родные Фань Лоцзя и знаменитости из мира спорта — сотни людей собрались вместе, чтобы благословить эту любящую пару на долгие годы счастливой совместной жизни.

На следующий день после свадьбы, в первый рабочий день, Фань Лоцзя заглянул в здание Киностудия Инь, чтобы принести Шуай Чан обед. На нем была простая одежда, на голове — бейсболка, а лицо закрывала защитная маска. С термосумкой в руках он легко и непринужденно переступил порог холла.

Девушка на ресепшн одарила его сладкой улыбкой:

— Здравствуйте, молодой человек, вы к кому? Я могу связаться с ним по внутренней линии.

Понизив голос, Фань Лоцзя произнес:

— Не нужно, он скоро сам спустится.

У Фань Лоцзя на вторую половину дня была назначена пресс-конференция в черте города, поэтому, передав еду Шуай Чану, он планировал сразу же уехать.

Странноватый наряд Фань Лоцзя и его слоняния по первому этажу привлекли внимание администратора, и та уже раздумывала, не вызвать ли охрану, как из лифта вышел Шуай Чан.

<http://bllate.org/book/22165/2308984>